

Именования родства в словаре П.А. Дилакторского*

Предметом исследования данной статьи являются именования родства и родственных отношений, зафиксированные в Словаре областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении (П.А. Дилакторского). Словарь включает как лексические единицы литературного языка, так и диалектизмы. Такое представление материала определяется прежде всего установками автора словаря, которые отражены уже в названии. Значимыми оказываются все слова, охватывающие сферу бытовых отношений: как диалектные, так и литературные. Тем более, что, по мнению Л.В. Щербы, литературные слова «тоже входят в систему общего областного языка», сознаваемого говорящими отличным от местных говоров и имеющего свою, хотя и очень неопределенную норму [1]. Именования родства покрывают сферу семейных (а значит и бытовых) отношений.

Состав имен родства, помещенных в Словарь, определяется привлечением разных источников, отражающих специфику вологодских говоров, материалов фольклорного и этнографического характера («Песни русского народа», записанные Ф.И.Истоминым, С.М. Ляпуновым; «Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда» Н.Г. Ордина; «Великорусские народные песни» А.И. Соболевского; «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний» Ф. Студитского; «Реестр словам и пословицам, схваченным около Верховажья Вологодской губернии с объяснением их значения» А.М. Шайтанова; «Материалы по этнографии Вологодской губернии» Н.А. Иваницкого). Использование П.А. Дилакторским в качестве источника Словаря этнографических описаний пополняет круг анализируемой нами лексики словами ритуального (обрядового) характера. Это именования участников свадебного обряда, вступающих в родственные отношения.

Значительную группу в Словаре составляют диалектные слова, обозначающие общее родство. Среди них можно выделить именования любого родственника безотносительно к степени родства (*порода, родаш, родинка, родник, родовая, свой* (мн. ч. *своё*) – ‘родня, родственники’ - Д3, с. 71, 105; Д4, с.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-04-00479а)

5 [2]) и учитывающих эту характеристику – *природья* (Ник.) – ‘дальняя родня, родственники’, *присвой* (Тот.) – ‘дальний родственник’ [Д4, с.83-84]. Часть таких слов (*род-племя, род-плмя, порода-племя, племя*), называющих коллективные субъекты свадебного обряда, выполняет ритуальные функции и фиксируется в текстах свадебной причеты, песен: “Присылать да приказывать / Всея *порode-племеню*, / Чтобы шли да ехали / Ко батюшке да ко матушке / На веселый пир радошен...” [Д3, с. 71]; “Ведь я *род-племя* покорила / Тебя пана полюбила...” [Д3, с. 47].

Словарь содержит также лексемы, обозначающие действия и состояния, связанные с установлением отношений родства и свойства, в том числе и свадебную терминологию: *бабить* (Кадн.) – ‘быть замужем’ [Д1, с.7]; *брататься* (Кадн., Тот., Вол.) – ‘меняться шейными крестами и с этой поры называть друг друга крестовым братом или просто крестовым’ [Д1, с. 27]; *кстины* – ‘крестины, крещение младенца’ [Д2, с.36]; *свальба* (Тот., Ник., Кадн., В.-Уст.), *сварьба, сварба* (Вол., Гряз., Кадн., Тот., Ник., Вел., Ярен., Сольв.) – ‘свадьба’ [Д4, с. 3]; *жони’ться* (В.-Уст., Сол., Вел., Ник., Тот., Кадн., Гряз., Вол.) – ‘жениться, венчаться, бракосочетаться’ [Д1, с.106]; *заму’жье* (Кадн., Тот., Вел., Ник.) – ‘замужество, состояние замужем’ [Д1, с.124]; *запросватать, запоручить, запоруцитъ* (Гряз., Вол., Кадн., Тот., Вел., Ник., Сол., В.-Уст.) – ‘просватать, сговорить невесту’ [Д1, с.126].

Широко представлена группа слов со значением кровного родства как по прямой, так и по боковой линии. Большую часть из них составляют единицы, отражающие лексическую систему диалекта. Так субъекты *кровного родства по прямой линии* представлены в словаре лексемами *баушенька* – (Ник., Вел., Гряз., Тот., В.-Уст.) ‘бабушка, бабка’; *баба* – (Кадн., Волог., Гряз., Ник.) ‘бабушка’; *батко, батько, бачько* – (Ярен., Устьс., В.-Уст., Ник., Сол.) ‘отец родной’; *батюшко, батюшкоу* – (Кадн., Гряз., Вол., Сол., В.-Уст.) ‘отец’; *бятявка* – (Вол.) ‘батька’ (в шутку); *тата* (Вел., Сольв., Тот.), *тата, татя, тятя* – (Повс.) ‘отец’; *мати* (Повс.) ‘мать, мать’, *мам, мамъ* (Вел.) – ‘мать’; *доци, доць, до’чи, дочи* – ‘дочь’; *батькишна* (Кадн.), *батьковна* – (Вол., Гряз.) ‘похожая на отца лицом или любимая отцом дочь, более других детей’; *ба’тькович* – (Кадн., Вол., Гряз.) ‘похожий на отца сын’; *ма’ткишна, ма’тковна* – (Кадн., Вол., Гряз.) ‘любимая дочь у матери или похожая лицом на мать’; *ма’ткович* (Вол., Гряз), *ма’ткич* (Кадн.) – ‘любимый матерью или похожий лицом на мать’).

После заголовочного слова в словарной статье могут быть помещены тождественные с ним по значению дериваты (см., например, *маткишна, матковна*), если они зафиксированы в одной и той же местности. Толкование терминов родства данной группы дается через соотношение с аналогом литературного языка, не содержит каких-либо помет (грамматических, стилистических). Исключение составляет слово *бятявка*, содержащее указание на эмоциональную окрашенность – «в шутку». Слова *мамъ и мам*, судя по контексту употребления (“А *мам-то* хотела придти, али нет?” [Д2, с. 59]), используются

как самостоятельные лексемы, а не как омонимичные стяженные формы обращения к субъекту родства.

Лексемы *маткович*, *маткишна*, *матковна*, *батькович*, *батькишна*, *батьковна*, кроме указания на ступень родства, содержат в толковании характеристику внешнего облика субъекта ('лицом похожий на...') и оценку ('любимый более других детей'). В основе внутренней формы таких номинаций лежат прежде всего относительные признаки, отражающие связи, отношения данного лица с другими субъектами соответствующей группы. Это слова с доминирующей реляционной семантикой. Описательные признаки (внешнее или внутреннее сходство субъектов, оценка) отличают данный субъект от других субъектов того же поколения (одной ступени родства), при этом значимым оказывается значение принадлежности в суффиксальных элементах – *ович*, *-овн*, *-ишн*.

Анализируемый источник включает также специальные термины родства с доминирующим описательным признаком «возраст»: *меньша'к* (Вол., Кадн., Тот.) – 'меньшой сын, брат'; *меньшу'ха* (Вол., Кадн., Тот.) – 'младшая дочь, сестра' [Д2, с.63]; *малы'ш*, *мальга'* (Ярен., Сол., Вел.) – 'младший в семье, младший в роду' [Д2, с. 59]; *больша'к* (гр., Вол., Кадн., Ник., Вел., Сол.) – 'хозяин, глава семьи, старший в семье' [Д1, с. 23]. В русском литературном языке при необходимости выразить соответствующие понятия используются словосочетания с определениями (*старший*, *младший*). Функционирование особых терминов в диалекте связано с длительным сохранением большой патриархальной семьи, спецификой ролей, закрепленных в семье за субъектами родства разного возраста, разных поколений. В связи с этим показательное существование в диалекте целой группы дериватов с корнем *больш-* (*большина* – 'хозяйничанье, старшинство в семье, первенство, власть'; *большичанье* – 'хозяйничанье, управление'; *большичать* – 'управлять, хозяйничать' [Д1, с.23-24]).

«Возраст» как один из доминирующих признаков номинации характеризует и лексему *мезонька* (Вел.) – 'дитя самое младшее, к которому родители более привязаны и которого особенно любят и постоянно балуют, лакомят' [Д2, с. 63]. Мотивировано, по-видимому, лексемами *мезёнок*, *мизинок* – 'палец мизинец' [3], 'самый маленький палец руки, ноги' [4]. Не менее значимой оказывается аксиологическая характеристика, которая сосредоточена в суффиксе.

Наличие одного сына в крестьянской семье отмечалось носителями языка в специальном термине *одинец* (*единец*). В основе номинации доминирующим является не относительный (реляционный), а описательный признак «количество».

Одине'ц (Кадн., Тот., Вел.). Единственный сын у отца. Считается хорошим женихом, так как имение после смерти отца не будет делиться. *Что дура не идешь-то, ведь он одинец*. (см. *единец*). [Д3, с. 11]

Положительная оценка субъекта в этом случае функционально, ситуативно обусловлена, о чем свидетельствует словарная статья.

Словарь отражает вариативность произношения некоторых терминов кровного родства (ср., например: *доць* (Повс.) – *до'ци* (Тот., Кадн., Ник., Ярен.) – *до'чи, дочи'* (Вол., Гряз., Кадн.)). Некоторые именованья (*баушка, бавшка, мнук*) передают специфику произношения общенародных слов (*бабушка, внук*) в говоре. При каждом заголовочном слове указывается его ударение (оно дублируется и в контекстах) и фонетические варианты этого слова, если они есть (например, *ба'тюшко, ба'тюшкоу; ба'тко, ба'тько, ба'цько; до'чи, дочи'*).

Отметим разнообразие в представлении состава терминов кровного родства по боковой линии. В словаре фиксируются как словообразовательные, так и фонетические варианты именованья родства в говоре (*сестренница, сестрёнка, сестренница, сестренича* (Тот., Кадн., В-Уст., Вел., Сольв., Ярен.) – 'двоюродная сестра', *сеструга, сеструха* (Кадн., Вел., Сольв.), *посестра* (Кадн.) – 'сестра'; *своя'шница* (Вол., Гряз.), *своя'чина* (В.-Уст., Ник., Сольв., Ярен.) – женщина-сестра [Д4, с.6]; *побратимко, побратим* (Вол., Гряз., Кадн., Тот., Вел., Сольв.), *братан* (Повс.), *сродный, сродник* (Кадн., Тот., Ник.) – 'двоюродный брат', *брателко, братеуко* (Тот., Сольв., Кадн., Вел., Ник., Вол., Гряз.), *братки* (Кадн.), *братя* (Гряз., Вол.) – 'брат'; *батькё, батько* (Кадн.) – 'дядя'; *племеньник* (В-Уст.), *племяш* (Вол., Кадн., Тот., Вел., Ник.) – 'племянник', *племянка* (Вол., Ник.) – 'племянница'). В отдельных случаях дается стилистическая (*бра'тьки* – 'брат', *уменьш.*) или грамматическая помета (*братя* – брат. *зват.*) [Д1, с. 27].

Кроме того, словарь фиксирует общеупотребительные литературные стилистически окрашенные варианты именованья родства: *сестрица, сестриця* – 'сестра'.

Иногда в словарной статье отражаются тенденции, связанные с непоследовательным употреблением отдельных терминов родства. Например, «*побратимко, побратим* – двоюродный брат и *иногда крестовый брат*» [Д3, с. 50]; «*братан* – собственно двоюродный брат, но употребляется иногда и вместо слова *брат*, например, троюродных братьев называют троюродными братанами. При обращении не к родне употребляется и вместо слов *товарищ, друг* и т. п., особенно при встречах» [Д1, с. 27].

Отмечается ослабление особого терминологического значения слов данной группы, расширение их функциональных возможностей (наименование родственника – близкого и дальнего - и неродственника), дублирование значения лексемы в сочетании с определением-прилагательным (*двоюродный*): «Уж ты, свет сокол, милый *брат*, / Ты *двоюродный братанушко*, / Ты оседлай-ко коня...» [Д1, с. 27].

Словарь представляет многообразие состава группы терминов свойства, которые называют лиц по отношениям, возникшим в результате брачного союза. Это именованья «одного из супругов по отношению к другому или его родственникам», а также «родственников одного из супругов по отношению к родственникам другого» [5].

В количественном отношении в Словаре П.А. Дилакторского среди наименований данной группы преобладают лексемы, называющие зятя (мужа дочери). При этом значимым признаком номинации оказывается не реляционный, а обстоятельственный (место проживания). Ср.: *дворя'к* (Сольв.) – ‘мужчина, принятый в дом, приемыш, подживотник’; *домови'к* (Гряз., Вол., Кадн.) – ‘то же, что дворяк, то есть зять, принятый в дом’; *дворяни'н* (Ник.) – ‘то же, что дворяк’; *живо'тник* (Вел., Кадн., Тот., Ник.) – ‘приемыш, подживотник’ [Д1, 80, 86, 103]; *подживо'тник* (Вол., Кадн., Вел., В-Уст.) – ‘приемыш в доме, муж, вошедший в дом своей жены’ [Д3, с. 50]; *приёмок* (Тот., Ник.) – ‘женившийся и поселившийся в доме тестя или в доме жены’ [Д3, с. 87].

Часть терминов свойства составляют общенародные слова (*деверь, золовка, невестка, сноха, свояк, сноха, сват, сватья, свёкор, свекровь*), нередко в одной словарной статье с терминами родства помещены (без каких-либо помет) слова, которые содержат уменьшительно-ласкательные суффиксы и обладают эмоционально-экспрессивной окраской (*сношенька, сватушка, дедюшка*). Помещены в словарь лексемы, представляющие особенности произношения в той или иной местности (*диверь, невестка, свояченица*). Можно отметить единичные случаи включения в словарь грамматических характеристик слова: *шуровья', шурья'* (Повс.) – *множественное число слова шурин*, то есть брат жены [Д4, с.97].

Кроме того, в словаре зафиксированы слова, характеризующие систему терминов родства говора: *де'дина, дя'дина, дяди'на* (Сол., Ник., Устьс.) – ‘жена дяди, тетка по дяде’; *де'дя* (Повс.) – ‘дядя’ [Д1, с. 80]; *сноше'нница* (Повс.) – ‘жена сына, невестка’ [Д4, с. 20]; *шура'н* (Тот., В-Уст.) – ‘шурин, родной брат жены’ [Д4, с. 97]; *сво'дчик* (Кадн.) – ‘сват’ [Д4, с. 5]; *свёкра* (Повс.) – ‘мать мужа’ [Д4, с. 4]. Данные слова определяют отношения между родственниками новобрачных (*молодых*): мужа (*хозяйин* [Д4, с.75]) и жены (*хозяйка* [Д4, с. 75], *бабень, баба, жона* [Д1, с.8, 106]). Фиксируются и случаи табуированного именования: *мой* (Вол.) – муж (когда жена говорит о своем муже) [Д2, с.66].

Отношения между супругами, недавно вступившими в брак, по данным словаря, можно представить в виде рядов терминов, противопоставленных по признаку рода: 1. *Молода'я, молоди'ца, молоди'ча, молоду'шка* (Повс.) – ‘женщина, недавно вышедшая замуж’ [Д2, с. 67]. 2. *Новотере'б, новотер'ён* (Сол.), *новожён* (Сол.), *новоже'ня* (Вол., Кадн., Тот.) – ‘молодой, недавно женившийся’. Название это удерживается в продолжение года после брака [Д2, с. 96]. В основе номинаций доминирующий признак “продолжительность брака”.

К терминам свойства также относят и слова, обозначающие лиц по отношениям, возникшим между одним из супругов и детьми другого от предыдущего брака. В Словаре П.А. Дилакторского было обнаружено лишь две лексемы, отражающие этот тип отношений: *мачеха* (Повс.); *тётка* (Сольв.) – ‘мачеха’ [Д4, с. 44].

Нельзя не упомянуть и о небольшой группе терминов свойства более позднего происхождения. Это термины, возникшие в связи с христианским обрядом крещения. В словаре эта группа представлена следующими лексемами: *крёсна* (В-Уст., Ник.) – ‘крестная мать’; *кресный, крёсный* (Повс.) – ‘крестный отец, зовут еще *божатом, божатком*’ [Д2, с.33]; *божатка, божатушка* (Повс.) – ‘восприемница, мать крестная’; *божатко* (Гряз., Вол., Тот., Кадн.) – ‘крестный отец’; *божатый* (Вел., Ник.) – ‘восприемник, отец крестный’; *божаток, божат, божатушко* (Кадн., Вол., Гряз.) – 1) ‘отец крестный, чаще зовут крестным, хрестным, хресным’, 2) ‘воспитывающий незаконнорожденных детей’ [Д1, с.22]. Последний пример свидетельствует о функциональном расширении значения термина свойства. К данной группе примыкает лексема *крестовый* и составное наименование *крестовый брат* (Вол., Кадн., Тот., В-Уст.) – ‘закадычный друг, приятель, обменявшийся шейными крестами’ [Д2, с.34].

Толкование терминов родства и свойства предполагает описание разных типов отношений между субъектами (модусов родства) [6]. В одной словарной статье отношения между участниками коммуникации (*эго* – субъект речи, *альтер* – обозначаемое лицо, *коннектор* – связующий родственник) в ситуации “со-бытия” родства могут иметь разный модусный план, отражать точки зрения разных коммуникантов на родственные отношения. Рассмотрим это на конкретных примерах словарных статей.

1. *Де’дина, дя’дина* (Сол., Ник., Устьс.) – жена дяди, тетка по дяде. [Д1, с. 80] Первая часть толкования определяет альтера (термином жена) в отношении к коннектору (*дядя*). Вторая часть указывает на отношения альтера к *эго* (*тетка*), а отношение *эго* к коннектору устанавливает степень, характер родства и экспрессивную функцию самого термина родства.

2. *Сноха, сно’шенька, сноше’ница* (Повс.) – жена сына, невестка. [Д4, с. 20]. В первой части (описательной) именование альтера (*жена*) устанавливается в отношении к эксплицитно выраженному в толковании коннектору (*сын*), во второй – название альтера дается в отношении к *эго* (коннектор не назван, имплицитно присутствует в термине *невестка*, мысленно восстанавливается).

А.И. Моисеев указывает ряд возможных способов толкования терминов родства и свойства в словарях русского языка: относительный (через другие термины родства), частично-относительный (термином родства + словами, не принадлежащими к терминологии родства), безотносительный (словами, не принадлежащими к терминам родства) [7]. В отношении терминов свойства в словаре П.А. Дилакторского используется только первый тип (*божатка* ‘крестная мать’; *деверь* – ‘брат мужа’, *дедина* – ‘жена дяди, тетка по дяде’, *невестка* – ‘сыновья жена, братнина жена’, *свёкра* – ‘мать мужа’ и др.). Толкование терминов кровного родства, зафиксированных в говоре, обычно дается путем приведения аналога литературного языка (ср.: *дедюша* – ‘дядя’, *брателко* – ‘брат’, *дочи* – ‘дочь’, *мати* – ‘мать’, *тата, татя, тятя* – ‘отец’ и др.).

В качестве заголовочного иногда используются метафорические (*месяц* – ‘свекор-батюшко’) и устойчивые речевые номинации персонажей в текстах, сопровождающих свадебный обряд (*богоданный батюшко* – ‘свекор’, *богоданная матушка* – ‘свекровь’, *чужой чуженин, цюжсой цюженин, чужевин* – ‘жених’). Как правило, это «инвективные по характеру оценки речевые номинации с семантикой мнимого родства, чуждости», приписываемой обычно свадебному роду жениха» [8].

Меня запоручили,
Главу запроссватали
На цюжсую стороку
За цюжса цюжсенина... [Д4. С. 80]

Словарь фиксирует также и другое (бытовое) понимание слов *цюжсой, чужсой* (Кадн., Тот., Вел., Сол., В-Уст.) – ‘чужой, дальний, неродственник, незнакомый’ [Д4, с.80].

В ряде случаев метафорические замены термина родства содержатся в примерах употребления слов (во фрагментах свадебных причетов и песен), не выносятся (как в случае со словом *месяц*) в заголовочную часть: «На печи сова пестрая – / Это ихняя бабушка»; «Молодая молодича, белая лебедушка...»; По окошкам сизы голуби - / То деверья братцы милые...»; «А по лавкам ласточки – / То золовки голубушки...».

Контексты отражают дополнительные (прагматические, обрядово-ритуальные и др.) характеристики субъектов в разных ситуациях общения, значимость того или иного субъекта, названного термином родства, для «своих» и «чужих». «Старая девка в божатки годится»; «Вот тебе раз, другой бабушка подаст. Погоди не роди, дай по бабушку сходить»; Кошку бьют – невестке наветки дают» (пословицы); «Жили-были старик со старухой, и была у них одна дочка. Вот пришло время отдавать ее замуж, и стало им ее жаль. Они взяли поджизотника Павла» (фрагмент сказки); «У меня дома-то не родная мать, / Не родная мать – злая мачеха» (песня); «...Да ко свекрови бранливой, / Да ко диверьям собаковатым» (свадебная причеть) и др.

Фрагменты свадебной причети позволяют наблюдать и некоторые другие особенности употребления терминов родства. Отметим, например, возможность использования терминов родства не только по отношению к кровным родственникам, но и по отношению к свойственникам: родителям своего супруга (*свекор* – *батюшка*, *свекровь* – *матушка*, *деверья* – *братцы* и т.д.) – «Сестрице золовке / Из русой косы ленты...» [Д1, с. 137]; «По окошкам сизы голуби – / То деверья, братцы милые» [Д1, с. 79]; «На ту пору матушка / Сеночку мела, / Невестушек-лапушек / Побуживала» [Д2, с. 90]; «Что чужой-от отец, мати / Идут по постеленке / Что и громко-то говорят...» [Д1, с. 61]; «Свекра-батюшка дома нету, Свекровь-матушка на пирушке...» [Д4, с. 4]; «Свекра батюшка побойтся, / Свекры матушки постыдятся» [Д4, с. 4] [9].

Имена родства нередко участвуют в процессах вторичной номинации, и диалектный словарь имеет особую ценность для создания наиболее полной картины переносных значений терминов родства. Показательны в этом плане

и данные литературного языка и поэтики фольклора. Как справедливо отмечает И.А. Седакова, «"родственный" код распространяется на многие области материальной и духовной культуры и очень продуктивен в словообразовании» [10].

Обозначим некоторые сферы переноса терминологии родства, представленной в Словаре П.А. Дилакторского.

1. Обозначение мифологических персонажей лексемами *дедко* – ‘леший, лесной, мифологическое существо, обитающее в лесах’ (Кадн., Тот., В.-Уст.) [Д1, с. 94]; *батьюшко* – ‘овинник, по народному поверью дух добрый, живущий в овине’ [Д3, с.11]. Слово *батьюшко*, выполняя обрядовую функцию, используется в обращении к овиннику – помощнику в ходе молотьбы – “Спасибо тебе, батьюшко, послужил верой и правдой!” (говорится в отворенную дверь овина). Та же функция характерна и для слова *кумушка* – ‘последний сноп хлеба, убранный с поля’. Его повязывают платком и с песнями приносят домой. Ставят под образа, а через неделю из переднего угла уносят в клить, где он хранится до Покрова дня, когда им кормят домашний скот [Д2, с. 40].

2. В поминальной обрядности, имеющей связь с культом предков. Словарем фиксируется лексема *родитель* – ‘покойник’ (Ник., Устьь., Ярен., Сольв.), и дается указание на ее обрядовую функцию: “не потому ли и дни поминовения усопших зовутся родительскими субботами” [Д3, с. 105].

3. Обозначение антропоморфных образов болезней (*кумоха*, *подруга* – ‘лихорадка’ [Д2, с. 40; Д3, с.58]; *папа* – ‘огонь, болезнь’ [Д3, с. 35].

4. Названия игр и субъектов, выполняющих игровые функции. Так словами *матка*, *детки*, *сынки* обозначают участников многих детских игр (“Кума”, “Дедушко-медведушко”, “Городки”, “Лапта”, “Ожик”).

5. Обозначения различных компонентов материальной культуры (предметов быта, частей дома, орудий труда и др.), живых существ. Например, в словаре П. Дилакторского зафиксированы такие случаи употребления: *матка* – ‘небольшой компас’; ‘груда льна в 10 снопов’; ‘в играх лучший игрок’ [Д2, с. 61]; *дедко* – ‘рукоять весла (хватка)’, ‘валет’; *дочуха* – ‘молодая свинья, свинка, самка’ [Д1, с.94] и др.

Таким образом, термины родства ярко демонстрируют специфику Словаря П.А. Дилакторского, не только в лингвистическом, но и в этнографическом плане. Это позволяет считать его ценным источником для изучения языка и быта вологодского крестьянина XIX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 269.

2. Здесь и далее в виде сокращения [Д1, Д2, Д3, Д4] дается указание на источник: «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П.А. Дилакторского. Цифра определяет номер тетради.

3. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3. – СПб., 1996. – С. 218.

4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3. – СПб., 1996. – С. 218.
5. Сумникова Т.А. Термины родства и свойства в современном русском языке // Русская речь. – 1969. - № 2. – С 119.
6. См. об этом в ст. Дзибель Г.В. Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып. 2. – СПб., 1998. - С. 89-135.
7. Моисеев А.И. Типы толкования терминов родства в словарях современного русского языка // Лексикографический сборник. Вып. V. – М., 1962. – С. 122-123.
8. Вавилова М.А., Смольников С.Н. Функции и номинации персонажей крестьянской свадьбы начала XX века в Кокшёнге (по материалам М.Б. Едемского) // Традиционная культура: Научный альманах. - № 1 (9). – 2003. – С. 3-9.
9. Как отмечает А.И. Моисеев в статье Термины родства в современном русском языке (ФН. – 1963. - № 3. – С. 130), наименования родственников первой линии в принципе не передаются по мужу и жене, однако некоторые явления этого порядка наблюдаются и здесь. В нашем случае сказывается и влияние особой модели свадебного обряда, использование устойчивых речевых формул в текстах свадебной причити.
10. Седакова И.А. Метафорические значения терминов родства и их производных в русском и болгарском: сопоставительный анализ // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. Сборник статей. – М., 1993. – С. 219-227.